

ЛЕДЯНОЙ ЧАЙ

Я сидел за столом и разговаривал с самокатом, когда мама позвала:

— Алекс! Алекс!!

Я сразу услышал щёлканье. Неприятный такой звук. Я слышал его сегодня утром, но думал, что обойдётся.

— Алекс, с феном что-то не так!

— Что с ним, мам?

— Не включается!

ЩЁЛК-ЩЁЛК-ЩЁЛК...

Снова «щёлк-щёлк». Я со вздохом отложил самокат, который я так и не уговорил подняться на Эверест. Ладно, придётся ногами топтать.

Мама стояла в холле и отжимала мокрые волосы полотенцем. Вид у неё был растерянный.

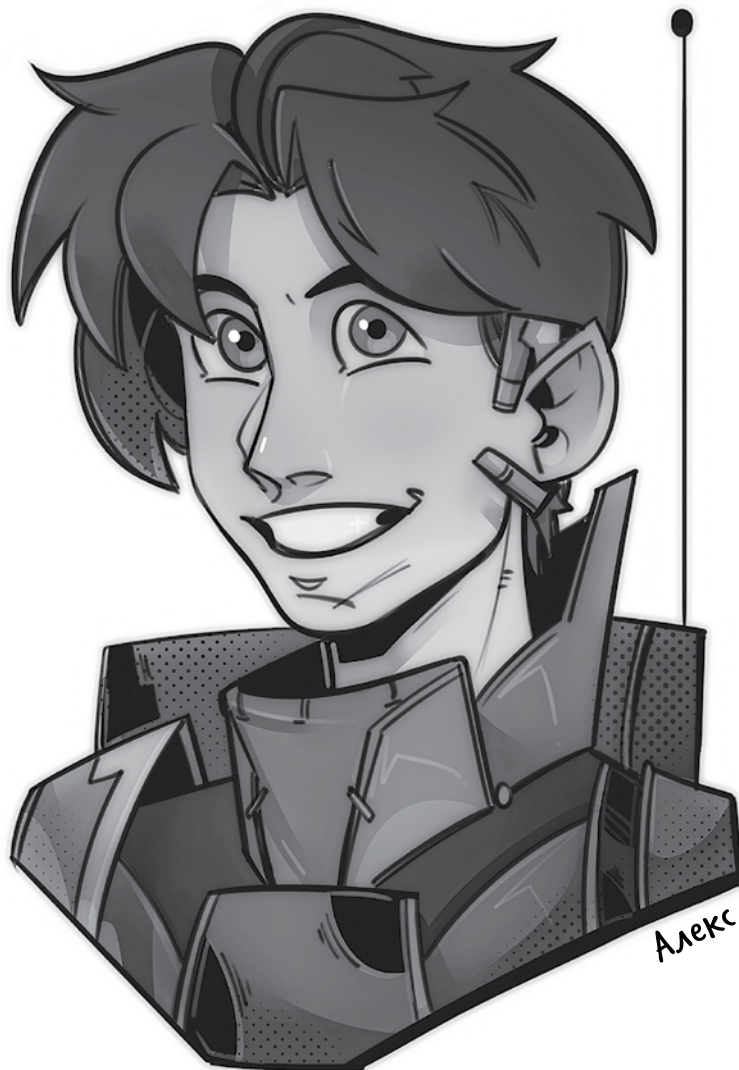
— Что же такое? — спросила она. — Мне на работу скоро. С мокрой головой страшно — сегодня минус сто шестьдесят.

Минус сто шестьдесят — это довольно холодно, хотя и не потолок: максимум у нас на Сатурне бывает минус сто восемьдесят. Но мама, понятно, боится: у нас и ветер будь здоров, мы этим известны на всю Галактику.

— Минус сто шестьдесят — за пределами Платформы, — уточнил я. — Всё-таки внутри поменьше...

— Не меняй тему! — нахмурилась мама. — Ты сломал фен?

— Почему сразу я, может, это Сашка, — буркнул я, кивнув на комнату сестры. — Она сегодня опять в зелёный красила волосы. Потом сушила, наверное. У неё спроси!

За дверью раздавался громкий и жизнерадостный голос сестры. Похоже, говорила с кем-то по телефону. Если про растения, то это надолго.

Мама прислушалась, а потом протянула мне фен:

— Поговори с ним.

— Мам, мне некогда, Тончик уже сел на колесо.

Мама подошла к окну, присмотрелась. Мы живём не очень высоко — на сотом этаже. Но колесо, конечно, видно. Тончик уже ехал за мной.

— Успеешь! — решила мама.

— Не успею, — проворчал я. — Мне ещё надо спуститься на первый этаж. Или...

— Нет! — рассердилась мама. — Ты не будешь подниматься до двухсотого! Я не разрешаю тебе садиться на колесо на верхней палубе.

— А сама садилась, — напомнил я.

— Я тогда сильно на работу опаздывала! И вообще, я взрослая. Всё! Давай! Говори с ним!

Я вздохнул и взял в руки фен. Он был холодным.

— Милый фен, — начал я и покосился на маму.

Она ободряюще кивнула.

— Милый фен, пожалуйста, прости мою маму за то, что она тебя так резко встряхивала. Она вовсе не злой человек, как может тебе показаться.

Мама округлила глаза.

— И не грубый, — продолжил я. — Она мне всё разрешает. Даже забираться на колесо с верхней палубы.

Мама пригрозила мне пальцем.

— Мама будет холить тебя, лелеять, обнимать, называть «мой любимый Феюшечка», нет, «Феюнчик», сошьёт тебе мягкую подушечку и будет выдавать карманные деньги, — пообещал я фену вполголоса.

Мама подавила улыбку и нахмурилась:

— Хватить дурака валять! Я на работу опаздываю! А ты издеваешься.

— Это ты издеваешься, — обиженно проговорил я. — Я тебе сто раз говорил, ну не могу я так — при других людях.

— А что в этом такого?

— Это как пюре по столу размазывать. Когда тебе годик, то нормально, даже весело. А в двенадцать, знаешь ли... Уже не при-

кольно, — сказал я с горечью. — Даже немного позорно себя чувствуешь. Как бы слабость выдаёшь.

Это была правда. Почти вся. Мама покачала головой, но закрыла уши и даже отвернулась. Я прижал фен к себе и прошептал:

— Дружище, прости, пожалуйста. Мне правда стыдно за то, что я так тебя использовал. Но мне просто очень надо было. Понимаешь? Мне очень надо было поразить одного человека. И я подумал: вдруг с тобой получится? Она бы удивилась. Наверное. Прости, да, я знаю, что ты из-за этого перегрелся. Мир?

Я осторожно нажал на включатель. Фен ответил тихим гудением, хотя стоял сразу на максимуме. Я подошёл к маме и потрогал её за руку. Она резко развернулась и заулыбалась:

— Ну ты у меня талантище, Алексашенька...

Она попыталась меня обнять, но я выскользнул с криком:

— Колесо! Колесо идёт!

— Только через нижнюю палубу! — гаркнула мама, забыв о том, что только что назвала меня Алексашенькой.

— Я не успею!

Я рванул в комнату, нацепил рюкзак, схватил руликуль и открыл окно. Там двигался наружный эскалатор — вёз людей на верхнюю палубу.

— Не смей! — перепугалась мама и схватила меня за куртку.

Колесо приближалось. Уже слышен был скрежет металлических пластин. Кабинки раскачивались, то опускаясь, то поднимаясь.

— Беги к лифту! — приказала мама, сунув мне в руки красно-зелёный шлем.

В кабине лифта я замер. Рука потянулась к кнопке двухсотого этажа. Ну откуда мама узнает? Я ведь уже перебирался на колесо с верхней палубы. Это не сложно.

Всё дело в расстоянии.

Кабинки останавливаются на небольшом расстоянии от крыши. Перекидывают пластиковый мост, но он довольно узкий и качается. Идти по нему страшно, но не смертельно. А вниз... Пока доедешь. Я сжал зубы. А потом прорычал что-то и всё же нажал на первый этаж. Ну всё. Опоздаю к Тончику. Опоздаю на колесо. И у Ленки перерыв закончится. Ладно. Значит... Ладно.

Лифт понёсся вниз со сверхзвуковой скоростью. Я просто дышал и старался не злиться на маму. В принципе, можно было уже и не спускаться. Колесо всё равно укатилось.

Но я всё же надел шлем и вышел из кабины, когда та затормозила на первом этаже. Торопиться было некуда. Если только посмотреть вслед укатившемуся колесу. И спросить людей, когда следующее. Хотя я и так знал, что оно вечером.

К моему потрясению, поскрипывающее колесо всё ещё стояло у моего дома. А на подножке кабинки завис Тончик. Он широко улыбался.

— Не тормози, Алекс!

Я молча бросился к нему и запрыгнул в кабинку. Дверь захлопнулась, и кабинка поползла наверх. Тончик весело поглядывал на меня и набирал на приборной панели код — через сколько остановок мы выйдем.

— Как у тебя получилось задержать колесо? — спросил я, отдышавшись.

— А, предложил водителю новый вид мороженого — со вкусом жареной курицы и чеснока, — рассеянно ответил Тончик, кивнув на свой ящик в углу. — Он увлёкся. Но в следующий раз не прокатит. Точнее, прокатит. Меня на колесе. Мимо твоего дома. Так что повезло. Мегаруль взял?

Я молча поднял в воздух руликуль, или, как выразился Тончик, мегаруль.

— Классно, — одобрил Тончик. — Попробуем на моём ящике?

Я хотел ответить, но тут у меня в голове коротко звякнуло. Я не успел сбить звонок, заговорила мама. Прямо в моей голове, да.

Древним землянам повезло — у них мобильные телефоны были отдельными аппаратами. Зазвонит такой в кармане — просто звук выключаешь, и всё, если отвечать не хочешь.

У нас телефоны прямо в голове. У детей специальный режим: если после пяти гудков ты не подходишь к телефону, он соединяет тебя с родителями автоматически.

Сбить звонок можно, только нажав кнопку на пульте, но он обычно у меня валяется где-то глубоко в кармане. Некоторые говорят, что, если стукнуть головой об стену, звонок собьётся. Но я не проверял. Мне стены жалко.

— Алекс! — возмущённо заговорила мама. — Ты! Ты катался на фене! Вот почему он заглох!

— Откуда ты узнала? — не стал отпираться я.

— Фенюшка мне сказал! — зловеще ответила мама. — А от кого, ты думаешь, у тебя дар с электроникой беседовать?

Я замер.

— Ладно, — сжалилась мама. — Я просто догадалась. А ты и сдался.

— Эх, — с досадой протянул я.

Мама чем-то загремела на кухне.

— Послушай, а где тостер для хлебных капсул? — спросила она.

— Папа отнёс в «Ногу жирафа», — нехотя ответил я и добавил: — В мастерскую к Ленкиному отцу.

— А что с ним? — с подозрением спросила мама.

— С Ленкиным отцом?

— Опять твои шуточки! С тостером! Или... или ты на нём тоже катался?

Я засмеялся.

— Мам, ты что?! Как можно кататься на ТОСТЕРЕ? Как ты вообще себе это представляешь? Он же гудит, раскаляется.

Тончик тоже улыбнулся. Даже он понимает, какая это дикая идея.

— А, кстати, ты сейчас куда? — поинтересовалась мама.

— К... жирафу.

— Заодно зайди в «Ногу», спроси, когда они закончат чинить наш тостер. Так что, ты говоришь, с ним случилось?

— Я не говорил! — не попался я на удочку.

ЛЕДЯНОЙ ЧАЙ

— А придётся! — зловеще сказала мама.

— Ну... папа жарил тосты, — нехотя сказал я.

— И?

— С Сашей. Не в смысле, что он Сашку положил на тост вместо сыра...

— Ты мне зубы не заговаривай! Какие тосты они жарили? Не из капсул?

Не то чтобы я очень люблю свою зеленоволосую младшую сестру, помешанную на растениях, но и стучать на них с папой как-то не хотелось...

— Из растений, — осторожно ответил я.

— Каких?

Тончик с интересом посмотрел на меня. Ему нравилась моя Сашка.

— Электрических, — наконец сдался я. — Они не знали, правда. Сашка их только недавно вывела. Сказала, что они должны быть съедобными. Ну папа и предложил их пожарить. А они как дали электрический импульс...

Мама вздохнула.

— Почему у нас в семье три неуправляемых изобретателя на одну серьёзную меня?

Я решил зайти с другой стороны.

— Но ты ведь нас всех любишь!

Это сработало.

— Люблю, — сказала мама. — Хоть вы и бываете прямо как скользкие льдинки. Вас даже схватить не за что, чтобы призвать к порядку. Одна растения странные выращивает, другой их поджигает, третий летает на фене. Кстати, ты опять взял свой руликуль с собой?

— Эм...

— Ты будешь испытывать его на чём-то странном?!

— Ну...

— Давай так, ничем опасным ты управлять сегодня не будешь! Обещаешь?

Я покосился на ящик с мороженым и кивнул:

— Обещаю!

В конце концов, что опасного в ящике с мороженым? Если только огненный вкус чеснока...

Мы живём на Сатурне. Это звучит странно, потому что все знают: Сатурн — это газ. Точнее, смесь водорода и гелия. Но мы живём на летающей Платформе. Она похожа на поднос, который накрыли сверху стеклянной салатницей. Только вместо подноса — наш город, а сверху — прозрачный купол, который защищает нас от бурь, гроз, холода, радиации, облаков ядовитого аммиака и других опасных штуквин. Держится наша Платформа за счёт нагретого воздуха. Водорода у нас хоть отбавляй — есть что нагревать. А вот кислорода нет. Но нам его с Мимаса привозят. Это такой спутник Сатурна, мини-луна. До него всего семь часов лететь.

Почему мы тут?

Ну а где нам ещё жить?

Хотя, конечно, на Меркурии тоже здорово, там много роботов на солнечной энергии. А лучше всего на Луне, там больше всего людей живёт. Но наш контейнер с младенцами довели именно сюда, к Сатурну.

Наши предки жили на Земле. А потом она ушла с орбиты. Никто толком не знает куда. Есть теория, что в Землю врезался огромный метеорит и сбил её, как кеглю. Но тогда мы должны были бы её как-то видеть. А её никто не может найти. Да и не сильно пытаются. Стараются выживать на разных платформах.

Учёные на Земле знали, что она куда-то усвистит. И поэтому рассылали по нашей Вселенной платформы и механиков (в специ-

альных контейнерах для сна). А потом уже вслед за ними — контейнеры с младенцами. Это наши прадедушки и прабабушки были. Первые покорители Сатурна.

Мы с Тончиком учимся в университете. А потом пойдём в детский сад. Вроде на Земле как-то наоборот было устроено. Но до нас мало описаний дошло. Вот такие названия попались: университет, детский сад. Ну мы их и выстроили, как хотели. Тем более это подходило. В универе ты находишь свой талант. В детском саду — то есть просто на улицах — ты его оттачиваешь.

Ещё есть всякие школы, но это для тех, кто собирается работать. Например, Школа исследователей планет или Школа космических спасателей.

У Тончика талант — делать удивительные виды мороженого.

Кто-то его ругает, что он тратит талант химика на ерунду! Оканчивал бы поскорее универ и устраивался в Юпитерскую школу химиков. А Тончик вместо этого целыми днями изобретает мороженое. Но ему вообще всё равно, что о нём говорят (мне нет). Поэтому он просто изобретает, и всё.

Я думаю, что Тончик — гений. Потому что он придумал мороженое со вкусом музыки. Ешь его и слышишь музыку. А ещё — мороженое

